

Новый путеводитель по русофобии от Ги Меттана

Берется в расчет не сама правда, но то, что за нее принимается.

*Генри Киссинджер
(из книги Ги Меттана)*

О русофобии написано в разные столетия немало, но очевидно, что эта книга имеет не только особый и развернутый взгляд на предмет, но и вышла в особых исторических обстоятельствах, поэтому тем более интересно было узнать – что нового может сказать об этом современный европеец? Новизна и драматизм переживаемого периода в том, что перед Россией со всей очевидностью встает поистине историческая задача – занять собственное место в формирующейся новой мировой системе. «США нужны не союзники, а вассалы» – в этой эмоциональной и насыщенной смыслом краткой метафоре В. В. Путина отразилось понимание итогов всего 25-летнего периода «вписывания» России в формирующийся миропорядок: среди союзников Запад не захотел нас видеть на равных, а вассалами мы не захотели стать сами, осознав, что это угрожает окончательной потерей идентичности. Грядет новый миропорядок, называемый пока не оформленным по четким понятиям

и географическим границам термином – «многополярный мир». Проблема русофобии в этом контексте вновь выдвигается на первый план, ведь отношения России с Западом во многом продолжают определять ее место в этом новом миропорядке. Впрочем, тема эта с завидной регулярностью возвращается на повестку дня в общественной дискуссии в нашей стране уже не первое столетие, причем именно в наиболее острые и сложные моменты национальной истории. Отсюда и закономерный интерес к предлагаемой российскому читателю книге.

Вместе с тем, прочитав ее, есть все основания считать, что сам автор меньше всего был озадачен конъюнктурными соображениями «актуальности темы», а тем более «имиджем России». Вполне состоявшийся и признанный в Швейцарии и Европе журналист и общественный деятель, он давно уже не «ведомый» в мире информационно-пропагандистских баталий, но исследователь, достигший того уровня «объективно-нейтрального наблюдателя», которого нам всем так часто не хватает. Уже масштаб нарисованной Ги Меттаном панорамы от «краткой генеалогии» русофобии, начиная с размежевания западного и восточного христианства, и ее национальных разновидностей – до «краткого словаря» ключевых понятий современного пишущего русофоба и наброска выстроенной веками системы стереотипов восприятия и представления России в западных СМИ не оставляет никаких сомнений – книга готовилась скрупулезно и основательно. К читателю быстро приходит понимание, что перед ним не памфлет и не панегирик, что книга написана не для того, чтобы «вписаться в момент», но исходя из фундаментальной, идеалистической, и в чем-то даже мистической задачи – попытаться обнаружить скрывающиеся за столетиями сложных взаимоотношений России и Запада первопричины русофобии.

Для российского читателя, видимо, нужно сделать еще одно пояснительное замечание: не стоит по прочтении выискивать в книге и подсчитывать на видимых только ему

весах аргументы «за» или «против» Путина, следуя той нехитрой схеме, по которой строится (или хотят выстроить) сегодня российский политикум. Автор, похоже, принципиально (кто-то скажет – по неосмотрительности) игнорирует нередко практикуемое сегодня в России и за рубежом использование темы «режим Путина» как системы распознавания – «свой-чужой», в зависимости от того, какие оценки даются словам и делам российского президента (а они, как мы, россияне, знаем, отнюдь не всегда совпадают). Не лишним будет напомнить в таком случае известные слова М. Е. Салтыкова-Щедрина, обращенные к тем, кто «путает Отечество и Ваше превосходительство». Вместе с тем, Ги Меттан явно не намерен и подыгрывать стереотипам сегодняшнего западного мейнстрима и лепить из Путина «второго Гитлера». Тем же читателям в России, которые в полемическом задоре, либо по умыслу, или недоразумению, самоуверенно считают, что «мир крутится вокруг России», надо постараться понять, что, во-первых, это в принципе не так, а во-вторых, что предмет первостепенного интереса и забот Ги Меттана, как следует из текста, отнюдь не «режим Путина», а вековая, устойчивая деформация представлений о небезразличной ему России в его родном, западном общественном мнении, а еще точнее – в западной политической культуре и ментальности в целом.

Вслед за автором читатель приходит к пониманию главных постулатов книги: история распорядилась так, что русофобия весьма устойчива, но не фатальна, она «сделана» и «делается» людьми. Раскрыть ее пружины – не значит ни впасть в антизападничество, ни оправдывать все и вся в российской истории и «замирать от восторга перед Путиным». Главная задача, объявленная самим автором, в том, чтобы попытаться «разрушить или, по крайней мере, уменьшить стену предрассудков на Западе в отношении России». Иными словами – в центре его внимания не оправдание, разоблачение или борьба против российских недостатков (позволю себе мнение, что мы сами

в итоге наверняка ощущаем их лучше, чем внешний наблюдатель, а главное, чаще видим причины наших бед в ином), но стремление раскрыть перед западным (а теперь и российским) читателем «историю болезни», называемой русофобия, а значит, по возможности преодолеть стереотипность мышления, выйти на более объективный взгляд на рассматриваемый предмет.

* * *

Докопаться до истинных причин русофобии – значит попытаться понять генезис, морфологию и закономерности рассматриваемого явления. Сделать это через призму изучения одного лишь современного медийного пространства было бы, разумеется, упрощением темы, и по этой причине Ги Меттан погружается в историю, выстраивая настоящую многовековую панораму формирования «облика России» на Западе, имеющую зачастую собственную внутреннюю логику, т. е. не обязательно связанную с переменами в самой России. Многие делали это и до Ги Меттана, но он, пожалуй, одним из первых столь системно и убедительно совместил в книге историю и современность, дав теперь и российским читателям немало тем для последующих размышлений и исследований по данной теме.

Привлеку внимание читателя лишь к выводам, которые можно сделать из раздела, посвященного расколу христианства на западное и восточное – семь веков общей истории соперничества! Важнейшим из них видится зарождение основ политической и внешнеполитической культуры Запада, которые имеют вполне идентифицируемые последствия для сегодняшней политики и международных отношений в целом. Абрис нарождающегося в ходе этого раскола западного подхода к политике включает такие характеристики, как необходимость мощной централизованной иерархии, заявка на универсализм собственных взглядов, приоритет

политических интересов (в ту пору – укрепление абсолютизма) над религиозными (ныне – идеологическими) и использование вторых для достижения первых, претензии на конечную истину и нетерпимость к инакомыслию (абсолютизация догматов, сглаженная сегодня «политкорректностью»), поставленная над этикой и духовностью сложная правовая структура, масштабность экспансионистской политической стратегии (континентальный передел «зон влияния»), способность к формулированию и проведению долгосрочной политической стратегии (при тактической гибкости вплоть до беспринципности), использование методов масштабной политико-идеологической дискредитации противника (выставление традиции богословских дискуссий Византии и «симфонии властей», как «коварного византизма» и «цезаропапизма», оставшихся до сегодняшнего дня в европейском восприятии синонимами двоемыслия, восточного деспотизма и злокозненной хитрости), тактическое выжидание и использование ослабления противной стороны для атаки (угроза Константинополю со стороны оттоманов), беспощадность и игнорирование просьб уже покорившегося и поверженного бывшего противника (даже единоверцев! – отказ в поддержке Византии перед финальным натиском оттоманов), отсутствие каких бы то ни было признаков «исторической благодарности» по отношению к Византии (а через столетия и к России), принявшей на себя удары из Азии и сохранившей христианскую Европу для Ренессанса и Просвещения, использование «других» на Востоке континента, как «спарринг-партнеров» в процессе формирования собственной европейской идентичности и государственности.

Почерпнутые из истории, эти аспекты генезиса «политической морфологии Запада», разумеется, в превращенном виде, можно проследить и в современной политике Запада в отношении России. Как метко подметил Ги Меттан, малопонятные сегодняшнему читателю споры тех времен про филиокве и символ веры были столь же важны для

устройства «средиземноморского мира», как и нынешние упоминания о «демократии» и «правах человека» для «мира глобального». Здесь важен итоговый политико-идеологический вывод автора: прими тогда Россия западное, а не восточное христианство, вся история Европы после раскола 1054 года и падения Византии в 1453-м пошла бы иным путем, и сегодня никто ни на Западе, ни на Востоке не ставил бы под сомнение, что Россия – это часть Европы (впрочем, православные богословы и мыслители, вплоть до современных, твердо убеждены, что никакого «если бы» тут и быть не могло). Разумеется, и российскому православию в западной интерпретации была уготовлена потом роль одной из главных причин «извечной российской отсталости».

* * *

Внимание российских ученых – американистов, германистов, франковедов, специалистов по Великобритании – наверняка привлекут интереснейшие разделы книги, которые посвящены особенностям русофобии в этих ведущих странах Запада. Ограничусь лишь некоторыми, наиболее значимыми и сохранившимися переключку с днем сегодняшним примерами, касающимися Франции. Автор начинает свой обзор именно с этой страны, исторически сыгравшей, по его словам, «ведущую роль в русофобии», внеся в нее две главные темы: мифы о «восточном экспансионизме» и о «деспотизме», свойственные России. «Завещание Петра I» – двухстраничный «документ», сфабрикованный французской дипломатией с помощью польских, венгерских и украинских политиков и дипломатов еще в 1760-х гг. при Людовике XV, якобы раскрывающий существующие планы установления гегемонии России в Европе, был первым заметным шагом на этом пути. Еще интереснее, что фальшивка активно использовалась потом без малого двести лет, проработав «от Наполеона, до Трумэна».

Ги Меттан не без риска сравнивает эту разоблаченную фальшивку по долговременности своего влияния на умы и последующие подходы к России с ролью печально известных «Протоколов сионских мудрецов».

Укрепились в западном восприятии России и нелестные для нее комментарии и сравнения с постулатами французского Просвещения (идеи прогресса, замены монархии республикой и теория разделения властей). Понятно, что Россия осталась в стороне от этих важнейших новаций западного мышления, да и вряд ли могло быть иначе, ведь столь глубокие перемены, если и происходят, то вызревают столетиями, а кое-где и не вызрели до сих пор и были восприняты как заимствованные. Исключением был только XVIII век, когда имел место очно-эпистолярный диалог Петра I и Лейбница, а позднее Вольтера и Екатерины II. Эти крупные западные мыслители впервые в Новое время «поменяли регистр» и заговорили тогда о «сказочном потенциале России», о ее роли «моста» между западной и китайской цивилизациями и даже о «просвещенном абсолютизме» как возможном средстве для быстрого прогресса России в сторону «западной модели», Ги Меттан здесь делает важное для понимания нашей последующей истории замечание, что при всех этих многообещающих посулах Россия рассматривалась этими мыслителями исключительно как *tabula rasa*.

Иллюстрируя генезис французской русофобии, автор, разумеется, не мог обойти вниманием «Россию в 1839 году» Астольфа де Кюстина, эту, по его словам, «библию русофобии». Вряд ли возможно добавить что-то принципиально новое после комментариев, прозвучавших в России в связи с изданием первого полного перевода этой книги на русский язык в 1996 году. Если выйти за пределы дискуссии о природе российской власти и устройстве общества, об обидах «разбуженного книгой де Кюстина болезненного самолюбия» тогдашних и сегодняшних русских и рассмотреть эту книгу с точки зрения ее использования политиками, то от-

крывается целая панорама долгосрочной внешнеполитической идеологии в отношении России. По де Кюстину, суть российских намерений составляют «огромные, смутные захватнические амбиции, которые могут появиться только в душах угнетенных людей», поскольку «эта нация в основе своей захватническая», «желающая насадить тиранию у других», нация, «стоящая на коленях рабства и мечтающая покорить весь мир». В то же время, по словам Ги Меттана, «уже 150 лет, как в Европе и Америке эта книга рассматривается как наиболее крупный монумент, когда-либо сооруженный русофобией». В итоге, принимая такой облик России за реальность (или выдавая его за таковую – см. эпиграф в начале послесловия), единственная возможная реакция на нее «нормальных государств» – это стратегия отпора, сдерживания и ослабления столь опасной угрозы. Вполне логично, что на этом столетиями и покоится ответная внешнеполитическая доктрина Запада. Порочный круг непонимания замыкается.

Говоря о «французской разновидности» русофобии, упомянем и причины случившейся в истории смены западного подхода к России от непримиримой критики к сотрудничеству. На примере работ видных французских историков конца XIX века, Ги Меттан подводит читателя к пониманию алгоритма такого перехода, не потерявшего своего значения и сегодня. Он объясняет и конкретные причины этой перемены: в случае Франции мотивации были сугубо политическими – поражение во франко-прусской войне и намерение сдержать поднимающуюся Германию, для чего и возникла необходимость привлечь Россию в союзники. Для этой цели, по выражению Ги Меттана, был произведен «невиданный синтез противоположностей». Помимо неизменного тезиса об «извечной российской отсталости», был введен в оборот и новый тезис – о «поправимости дел в России», при условии, разумеется, открытия ее, говоря слогом XIX века, «для орошения благодатными западными ценностями, включая технологии, прогресс, промышленное раз-

витие, иностранные инвестиции, развитие капитализма, которые привнесут в Россию западные институты, право, законы и политическую систему». Этим идеям и планам тогда не суждено было полностью сбыться, но, как показало время, алгоритм был воскрешен через сто лет, и вряд ли ему будет найдена скорая замена.

* * *

И все же, спросит читатель, закрыв книгу, неужели картина столь мрачна и «генетически безнадежна», как рисует ее нам Ги Меттан? Может быть, он просто выбрал такое глубоко негативистское рассмотрение проблемы Россия – Запад? Ведь между участниками международных отношений всегда, к сожалению, существовало соперничество, давление, различные формы дискредитации, и Россия тут не исключение. Так стоит ли вообще «заикливаться» на русофобии, тем более, что все мы знаем – страна наша пока далека от совершенства? Ответ на эти вопросы сложен, учитывая многообразие факторов, влияющих на международные отношения, решения в которых чаще всего диктуются не умозрительными схемами, а политической целесообразностью. Таким образом, там, безусловно, всегда остается пространство для диалога, политических и дипломатических маневров сторон. Иными словами, переносить из-за русофобии манихейский взгляд «Россия – осажденная крепость» на международные отношения XXI века было бы опасным заблуждением. Вместе с тем, русофобия реально существует на «совокупном Западе» и нередко служит там идеологическим и пропагандистским фоном, на котором строятся его отношения с Россией. Как найти в таких условиях взвешенное отношение к феномену русофобии? Взгляд на предмет, как представляется, может измениться, если рассматривать русофобию не просто как «последовательное накопление заблуждений, деформаций и искажений», а скорее как некую

сложившуюся веками «историческую данность». В таком случае, конечно, нужно изучать и отвечать на нее, но вряд ли есть смысл в превращении борьбы с русофобией в первостепенную политическую задачу, в каждодневную полемику, подпитывающую болезненную реакцию российского общества на (нередко и справедливую) критику России. Вообще наши СМИ столь же остро реагируют на любую критику, сколь и чувствительны к каждому одобрительному слову из-за рубежа (кстати, по многолетнему опыту знаю, что «наши западные партнеры», как правило, преимущественно безмятежны на этот счет). Такая полемика с Западом по ряду причин будет оставаться по преимуществу «улицей с односторонним движением».

Каждое поколение в России рано или поздно возвращается к извечному вопросу, встающему после прочтения книги Ги Меттана – мы Европа или что-то особое? Конца этим спорам нет уже не первую сотню лет. Каждое поколение вновь примеряет на себя известные пушкинские слова о том, что «...Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой...». Есть, к примеру, рассуждения о цикличности российской истории, в частности, и о том, что касается ее отношений с Западом, обоснованно показывающие, что за истекшие три века Россия 14 (!) раз меняла свое ролевое отношение к западному миру. Книга Ги Меттана восполняет в данном случае очень важный аспект этой темы, отвечая на вопрос о том, как видится сама Россия со стороны Запада. Сопоставляя два ракурса проблемы Россия – Запад – наше собственное позиционирование и представление о нас извне, мы подходим, на мой взгляд, к одному из наиболее существенных аспектов рассматриваемой темы – вопросу о российской идентичности, точнее, неочевидности осознания таковой даже внутри самой страны. У нас весьма благосклонны к мнению С. Хантингтона, в соответствии с которым Россия представляет собой часть особой, отличной от Запада цивилизации. Однако его же характеристика России как «крупнейшей в мире расколо-

той цивилизации» привлекает почему-то гораздо меньше внимания. Суть же «расколотости» вкратце в том, что в таких странах существует несколько «цивилизационных групп» – устойчивых общностей, ориентирующихся на различные цивилизации. Касательно России, как минимум уже с середины XIX века, у серьезных российских и зарубежных исследователей на этот счет не было сомнений, что собственно и констатировал С. Хантингтон. Размышления на этот счет в постсоветское время возобновились с новой силой и составляют центральный элемент внутри- и внешнеполитической жизни страны.

Россия как страна с «расколотой идентичностью» представляет собой удобный объект для критики и воздействия со стороны Запада. «Расколотость», если следовать ей во внешней политике, способна подчас если не «обнулить» некоторые из внешнеполитических усилий, то создать у сторонних наблюдателей представление о стране, управляемой по «сломанному компасу». К примеру, мы часто и справедливо апеллируем к общности «христианских цивилизационных корней» и культуры России и Запада, абстрагируясь от важного водораздела – различий в политической культуре, где исторически у нас было гораздо меньше общего. Такое «переменчивое позиционирование» никогда в истории не придавало ни весомости, ни прочности внешнеполитическому положению, о какой бы стране ни шла речь. Не случайно в этом контексте выглядит название последней главы книги Ги Меттана «Запад в российском зеркале». Оно прямо связано с поиском идентичности самой Европой, а для «объединенной Европы» эта задача сегодня весьма актуальна и подтверждает известное положение о необходимости «другого» для формирования и поддержания собственной идентичности. Роль этого «другого» и была, по признанию некоторых западных теоретиков, издавна предназначена России. Подтверждением этого тезиса служит и попытка властей Украины отвести роль «другого» России.

Существует ли вообще вероятность изменить такое восприятие Западом России, ведь русофобия, по словам Ги Меттана, из «коллективного бессознательного» превратилась там в единственно допустимую «официальную правду»? Полностью, видимо, нет, однако принять и признать эту «данность» обеими сторонами как объективную реальность, осознать различия в природе сторон, а следовательно, наличие у них особых интересов, было бы уже немалым шагом вперед. Пора, наконец, признать, что столь отличные пути, которыми шли Европа и Россия, не могли давать по ходу истории одинаковые результаты. Стоило ли желать подобного однообразия, ведь мир не случайно многообразен. Политика и дипломатия извечно заняты таким «взаимным распознаванием», формулированием собственных целей и прояснением целей партнеров, налаживанием диалога, поиском взаимоприемлемых решений, иначе говоря, они нацелены преимущественно на налаживание диалога, а не на поиск причин несовместимости. Однако и политику, и дипломату полезно знать о глубинных причинах расхождений России и Запада, о том, что в политологии называют различиями в «политической культуре» стран, а значит, и о возможностях компромиссов между странами разной цивилизационной ориентации. Этому и служит в конечном итоге книга Ги Меттана. Осознать эти различия в природе сторон и по возможности преодолеть их для осуществления общих целей – в этом, как представляется, и состоит одна из задач построения нового миропорядка. Сегодня мы должны уповать не только на дипломатию как «искусство» XIX века и пропаганду и контрпропаганду как «ремесло» XXI века, но на возвращение позитивных перемен в общественных взглядах на то, что представляет сегодня «другой», используя все достижения наук о человеке и обществе.

Получившийся в книге портрет России, вырисованный за столетия на Западе, в итоге выглядит мрачновато, но реакцией на него должен быть не всплеск обид и очередные стенания «почему они нас не любят?». Напротив, книга

Ги Меттана должна помочь нам спокойно, трезво, и главное, со знанием дела посмотреть в глаза реальности: да, именно так нас видят ведущие страны мира. Прочитав книгу, мы больше знаем о причинах жизнестойкости этих стереотипов и продолжим «работать над ошибками», ибо именно в результате успехов на этом пути мы сможем такие стереотипы искоренить. Вместе с тем, как это всегда было до нынешнего кризиса в отношениях России с Западом, все это отнюдь не должно препятствовать нашему взаимодействию.

Есть еще одна, важная, на мой взгляд, причина для «исторического оптимизма» по поводу будущего русофобии, которая лежит на макроуровне мировых процессов. Представляется, что под давлением грядущих неизбежных перемен в глобализирующемся мировом сообществе у нас неизбежно появится со временем новая основа для представлений друг о друге, нежели та, что была унаследована и пестовалась со времен религиозных расколов. Существуют признаки того, что привычная международная повестка претерпит в предстоящие десятилетия существенные изменения и, вполне возможно, под давлением этих перемен появится другой базис для отношений между государствами. В этой связи вопросы будущего мироустройства, направления, содержания и смысла эволюции человечества станут центральными. Принципиально важно, каким будет вклад России в поиск «будущей картины мира», подкрепленный убедительным примером собственного успеха. В этой перспективе возникает сомнение, что русофобия благополучно переживет эти переходные времена.

* * *

Книга Ги Меттана касается, прежде всего, самого Запада – слишком совершенны там методы умолчания, слишком силен пресс доминирующего мнения и «капсулированного мышления», и вырваться из-под него сегодня – настоящий

подвиг! Однако историки и политики продолжают спорить об интерпретации одних и тех же исторических фактов, а вездесущая медийная пропаганда имеет иные приоритеты, нежели поиски истины. Новая книга Ги Меттана видится в таких условиях как событие – знаменательное, своевременное и востребованное, так как одна из особенностей поднятых им «вечных тем» состоит в том, что каждое новое поколение на Западе и в России открывает их для себя заново. Не является исключением и нынешнее поколение россиян, в том числе и такие особые читатели, как российские политические деятели.

В послесловии невозможно упомянуть даже того главного, что заключено в книге. Пусть каждый, интересующийся темой, прочитает ее сам. С переводом на русский язык у книги начинается новая жизнь, и нет сомнений, что ее ждет большое и долгое будущее в России. Правда, сегодня можно лишь предполагать насколько непростым будет это будущее и насколько дискуссионной станет эта книга, возможно, для нескольких поколений российских читателей.

*доктор юридических наук,
ученый-международник
Алексей Кожемяков,
апрель 2016*